Несколько слов об Аркагале. В те годы амбулаторией Аркагалинского лагеря ведал Сергей Михайлович Лунин, вчерашний студент-пятикурсник, попавший на Колыму со смешным, по тем временам, трехлетним сроком, за анекдот. Коренной москвич, прямой потомок декабриста Лунина. Частенько в лагерной амбулатории ему помогал Варлам Тихонович Шаламов.

ДЯДЯ ПАША.

Современному мальчишке эти две итальянские фамилии вряд ли знакомы. В Советском Союзе их имена носили улицы, заводы ,пароходы, пионерские отряды. "Сакко и Ванцетти" - красовалась тисненная надпись на каждом третьем карандаше, выпущенном в СССР.

" Хрен их знает, кто такие.....,но карандаши хорошие,"─пробасил мужик, аккуратно заворачивая стержни в пожелтевший обрывок газеты,─ получай, как договорились. Он извлек из-за бочек с водой на середину барака самодельные санки. Цельная сварная конструкция с деревянным сидением и спинкой. Восторг был запредельный, сердце бешено колотилось, руки притянули это чудо, я прошептал - спасибо и выскочил с санками из барака. Скорей бы прокатиться с сопки прямо к копру шахты! Какие еще радости могли быть у шестилетнего пацана длинной колымской зимой.

На улице уже стемнело, было морозно и ясно. На горизонте, за дальними сопками изредка вспыхивали полоски Северного сияния.

Пропажа карандашей обнаружилась в середине марта. Расплата за воровство была жесткой. Отец порол меня офицерским ремнем, зажав мою голову между своими ногам Мамка была удалена, кричи - не кричи, никто не поможет, Отец и судья, и палач. Антипедагогический прием, но доходчивый и очень болезненный. Три дня мама выхаживала меня, смазывая попку мазью из медвежьего жира, колымских трав и собственных слез.

У метеоролога простой карандаш – главный помощник при записи наблюдений Метеоролог без карандаша безоружен. В любую погоду, четыре раза в сутки выходит дежурный наблюдатель на метеоплощадку, записывает показания приборов в журнал, кодирует и передает по телефону на центральный пункт. В передаваемой кодировке отражено огромное количество ежечасной информации ─температура воздуха, точка росы, давление, направление и сила ветра. Только обычный карандаш ─верный товарищ фиксирует данные приборов на бумагу Чернила бесполезны в дождь, метель, мороз. Потеря карандаша ─невосполнимая утрата. Купить их на Колыме в те годы просто негде. Поставка по разнарядке, раз в год, учет и контроль. Срыв метеорологических наблюдений ─это саботаж, со всеми вытекающими последствиями.

Невдомек мне было тогда ─отец вымещал на мне свой страх за будущее семьи, накопленную тревогу. Потеря карандашей явилась лишь запалом для бомбы эмоционального взрыва накопившегося напряжения.

Страна вела войну. Союзники отгружали ленд-линз. За поставки рассчитывались золотом Колымы и жизнями сотен тысяч заключенных.

Три месяца летней навигации, когда была возможность добраться морем с "материка"до бухты Нагаево, использовались для заброски на Колыму максимального количества заключенных, этого самого, в те годы, доступного «не требующего предоплаты или оплаты золотом,» человеческого материала. Их завозили партиями, как скот, в трюмах, десятками тысяч за навигацию. Завозили, чтобы возместить годовой « падеж» среди заключенных, как по естественным причинам – болезни, цинга, рабский труд по 9-10 часов в сутки, так и « профилактическую» убыль зеков, расстрелянных за невыполнение плана,

за порчу имущества, за пропаганду, за старые грехи, да и просто так, в назидание другим. Наверняка, дядя Паша был из тех бывших зэков, которых, по окончании лагерного срока, просто не выпустили "на материк", прикрепив им на долгие годы словесный артикул- "спецконтингент"─ колонизированные лагерники.
Лиственничный барак, печи, тряпичные занавески-перегородки, топчаны. Добавьте сюда букет запахов от махорки, от беспрестанно высушивающихся роб и портянок, от постоянно завариваемого чифира─ .вот набросок интерьера «дядьпашиного» жилища, типичного для всех поселков Колымы. Дети интуитивно тянутся к сильным людям. Дядя Паша был таким. Шахтер, бригадир, силач. Хризматичная, как теперь говорят, личность.
Уж и не помню, с чего началась наша дружба. Но я бывал в бараке, кажется, чаще, чем дома. Мне, мальчугану-несмышленышу, здесь всегда были рады. Должно быть, эти мужики, отдавшие свои лучшие годы каторге, положившие здоровье и судьбу в надрывном труде, оторванные от семей, глядя на нас, видели своих детей....
─»Ветродуйчик, чаек будешь пить?»-дядя Паша высился надо мною с алюминиевой кружкой в руке. Я утвердительно кивнул, зная, что к чаю прилагается кусок рафинада и большущий ржаной сухарь. В слове "ветродуйчик" не было ничего обидного. Метеорологов называли -ветродуями, сын метеоролога─ветродуйчик. В произношении дяди Паши это слово звучало особенно ласково. Может, так он компенсировал потребность в естественной человеческой нежности и заботе.
Мои детские "проблемы" всегда выслушивались, советы давались дельные. Теперь трудно вспомнить подробности, но, верно, что-то вроде "Будь мужиком!". Я соглашался и, разглядывая зеркальце, вставленное в кусок тектонической породы, обещал быть лучше и сильнее.
Про карандаши я рассказал во всех подробностях, от того момента, как я их украл и совершил сделку с мужиками из соседнего барака, до шести ударов ремнем, с удивительной точностью пришедшихся на мою горемычную попку.
«Что ж » - подытожил дядя Паша -поступил ты плохо. Постарайся вернуть. Хотя бы часть.
«Да-да» ─подтвердил Ильяс, товарищ и сосед дяди Паши, протягивая мне очередной сухарь « непременно верни.»
Забегая вперед, скажу, что несколько карандашных остатков удалось вернуть. Но была еще одна отцовская порка. На этот раз из-за пропавших карточек, по которым выдавался табак на всех работников метеостанции. Это было более драматично. Естественно, мое реноме было запятнано, доверие родных утрачено. В мою непричастность к инциденту не поверили и, после очередной экзекуции, я нашел убежище в «дядьпашином» углу, на топчане. Но, как говорится, справедливость восторжествовала. На следующий день в барак вошли три человека. Отец, мать и работник метеостанции. Под пристальным взглядом отца человек делает шаг вперед и....признается в краже талонов. Сбежался народ ─ невиданное дело─перед шестилетним пацаном извиняются взрослые дяди. Отец тогда присел, притянул к себе и сказал:"Прости, сынок".
Обостренное чувство справедливости было отличительной чертой моего отца, Иван Павловича. Теперь же я испытывал глубокое чувство вины перед родителями.
«Глянь-ка»─дядя Паша протянул фотокарточку удивительно красивый женщины с огромными печальными глазами.
«Это жена?- смело предположил я.

«Это Полинка» ─через паузу почти прошептал дядя Паша, « Где она теперь? Не знаю.. Может далеко, а может ─ близко..». « Красивая!» - подытожил я.

Он печально улыбнулся и бережно уложил фотографию в самодельный футляр из газеты.

«Ну, беги домой, ветродуйчик! Солнышко сегодня хорошо припекает.»

Освоенная Колыма расширялась, обрастала инфраструктурой. Людей необходимо было кормить, лечить, учить, обогревать. Аркагалинская ГРЭС давала свет всей Колыме. Аркагалинская шахта в свою очередь снабжала углем электростанцию. Индикатором работы шахты служила большая красная звезда, установленная на вершине копра, подсвеченная лампочкой. Звезда светится─идет уголек "на гора",нет света─проблемы с углем. Все жители инстинктивно поглядывали на звезду. Она была людским флюгером, определяя силу переживаний жителей поселка. Стоило звезде погаснуть, уныние овладевало поселком. И вот ─не светится звезда над шахтой! Третьи сутки подряд! Мой детский слух улавливает часто повторяемые фразы: "Выехала тройка из Магадана".Что за тройка? Пылкое детское воображение рисует упряжку белогривых лошадей, вскачь несущихся по центральной трассе, обгоняя грузовики Всеми этими соображениями делюсь с дядей Пашей. Тот перестает улыбаться, скрипит зубами и поправляет сушащуюся на печи робу. Весной сорок пятого только дети, подобно мне, не знали, что тройка─это расстрельная бригада, оценивающая ситуацию, выносящая приговор и приводящая его в исполнение тут же. «Гаранинская» расстрельная тройка. Дядя Паша понимал это прекрасно Это понимали все! Я был одним из немногих непосвященных.

Невыполнение Государственного плана─ тут уж не оправдаешься. Верная смерть. Правосудие условно и однобоко ─кто-то должен быть наказан, сиречь─ расстрелян.Я тогда не понимал, что в списке этих "кто-то" и дядя Паша и ...мой отец, который хоть и возглавлял работу метеостанции, являлся, по партийной линии, председателем шахткома.

Отец, оценив ситуацию, решил отправить семью в безопасное место, в глухое стойбище в тундре, где никто нас искать не будет. Видимо, подобный вариант событий давно оговаривался с местным, якутом Захаром. Подходя к дому, я увидел оленьи упряжки, с упакованным скарбом на нартах. Ждали только меня, все было готово к отъезду.

«Сынок»,─окликнул отец «пойдем, отпустим Кешку.» Кешка был горностай. Его поймали в самом начале зимы в большой куче угля, сеткой огородили угол, соорудили жилище и он стал полноценным жителем метеостанции. Даже наши лайки, Найда и Байкал смирились с его присутствием Кешка как будто чувствовал, что сейчас произойдет что-то очень важное, нервно бегал вдоль стенки, тыкаясь в нее своей мордочкой. Он игнорировал наструганную оленину и выжидающе смотрел на меня с отцом Открыли дверцу кешкиного жилища и отошли в сторону. Горностай выглянул, поводил головой, словно убеждаясь, что путь свободен, сделал большой прыжок, присел, посмотрел на метеостанцию, махнул головой, словно прощаясь, и был таков. Прощай, Кешка!

Меня усадили на нарты рядом с мамкой и сестрой, укрыли оленьями шкурами. На вторых нартах уже сидели тетя Лиза и ее дочка Валюша. Отец печально смотрел на нас, видимо, прощаясь навсегда.

«Пап», увидишь дядю Пашу, скажи, что я его люблю.»

Сложно сказать, что творилось в душе отца в этот момент. Вероятно, как все настоящие мужики, он сдерживал слезы и неистово желал одного, чтобы все обошлось и все остались живы и здоровы.

Пребывание в стойбище дяди Захара, это - вереница отдельных эпизодов, выхваченных цепкой детской памятью из многообразия, свалившейся на меня новизны. Огромное жилище, где были и было все - ─люди, собаки, новорожденные оленята, тепло, еда, заунывные песни. Это огромный, слепящее белый простор тундры, мягкость оленьих губ, слизывающих кусок хлеба с ладони. Это новая, такая не понятная, но очень удобная и теплая одежда. Это тревожные лица мамки и тети Лизы, которые выбегали из юрты при каждом постороннем звуке и всматривались, не едет ли кто? Это, наконец, слова Захара: «Возвращаться надо, однако,» узнавшего, по одним, только ему известным приметам и сообщениям, что пора.

Выехали рано утром. Оленьих упряжек было три, одна из которых была нагружена олениной, рыбой, туесками. Дорога к дому, всегда кажется длиннее, чем в гости. С вершины соседней с метеостанцией сопки, был виден копер шахты. Звезда горела.!

Мама быстро перекрестилась. Найда и Байкал несутся наперегонки навстречу нартам. Отец и дядя Петя, Валюшкин отец, идут навстречу. Лайки стараются выразить свою собачью радость, лизнув меня, сестру и Валюшку прямо в лицо. Отец полуобнимает маму, говорит тихо и я вижу, как она медленно оседает на снег.Смотрю на отца, мать, дядю Петю и понимаю, что произошло страшное, то, что я не забуду очень долго, может быть, всю жизнь. Ноги у меня подкосились, я не присел, я просто упал и забился в ознобе и рыданиях. Завыли Найда и Байкал. Потом провал, глубокий болезнеый сон. Болел я долго и тяжело. Наверно две-три недели. При ограниченности всяческой медицинской помощи, лучшим лекарством оставалась материнская любовь и забота. Мама меня выходила. Матери лучшие врачеватели.

Встав на ноги, первым делом я направился в барак, к дяде Паше. Что-то было не так. . Встречавшие меня знакомые, отводили взгляд. В бараке была перестановка─ не стало занавески, отделявший угол комнатушки, где стоял топчан дяди Паши..Не было и самого дяди Паши. Зеркало в каменной оправе стояло на чужой тумбочке.

«Где дядя Паша?» Ильяс тяжело вздохнул и достал из тумбочки прямоугольник, По знакомой газетной обертке, я понял, что это фотокарточка Полинки. Протянул его мне. Я бережно, не разворачивая, провел по нему рукой, как делал это дядя Паша, и убрал в карман. Как в тумане мы вышли из барака и направились к окраине Аркагалы. По дороге Ильяс наломал несколько веток от куста кедрового стланика. Я вдыхал его горьковатый запах и ничего не соображал. Свежеструганный крест был воткнут в мерзлую земляную насыпь. Ильяс всовывал в насыпь хвойные ветки, а я щурился, вчитываясь в буквы на прибитой к кресту, отполированной до зеркального блеска, металлической пластине. "ДЯДЯ ПАША".

Потом был День Победы. Было всеобщее ликование и радость. Было рождение брата. Зимой 1946г.мы, дети, часто болели и мама настояла на переезде в благодатную Олу, поселок на берегу Охотского моря, к овощам, молоку, жизни.

В пертурбациях дальнейшей "материковой" жизни исчезла из виду, затерялась фотокарточка Полинки, самого дорогого, что было в этой жизни у дяди Паши. На обороте фотокарточки была .надпись:"Храни и Помни.».

Не сберег, прости меня, дядя Паша. Но осталась память о моем друге дяде Паше, колымском шахтере, расстрелянном из-за ушедшего угольного пласта. Осталась засечка в сердце о герое-мученике бездушной Колымы.

Я пережил тебя, дорогой!

Я стал, как обещал, взрослым и сильным.

Я не забыл, тебя, дядя ПАША.

Под редакцией Дмитрия Рубаника.

Второй яркий эпизод тех детских воспоминаний – американские подарки по ленд-линзу. В клубе горой лежит одежда, которую я никогда не видел. И вот я в голубом костюмчике американского бой- скаута., сестра в юбочке с кофточкой. Но главное – это мама. Я каждодневно ее видел в платье из хаки, тяжелой обуви, телогрейке. И вдруг – такое преображение. Она – в красивом шелковом, темно-фиолетовом платье, на ногах туфли. Блеск.

АМЕРИКАНСКИЕ ПОДАРКИ.

Рассказ опубликован в газете «Заря Севера» 12 августа 2010 года.

Человеческая память носит избирательный характер. Это медицинский постулат, констатация факта. Детская память шести – семилетнего ребенка цепка, изобретательна и объемна. Как губка, она впитывает в себя новые слова и выражения, сортирует, раскладывает по полочкам, выстраивает в очередь, прикрепив номерок или ставя «цифирь» на ладошку памяти. Особенно, это относится к так называемой, ненормативной лексике. Время и место применения этого накопленного словесного материала чаще всего происходит интуитивно, спонтанно. Иногда очень быстро, как бы без очереди, только получил свой номерок на ладошке, занял место и вдруг команда – на выход. Но часто эта очередь в памяти затягивается на долгие десятилетия и все, услышанное в шести –семилетнем возрасте, вырывается из глубин сознания уже взрослого человека.

Наше малочисленное детское братство на далекой Аркагале получало ненормативную лексику в избыточном объеме и владело ею виртуозно для своего возраста.

Получало - у копра шахты от шоферов чьи машины стояли под погрузкой, в бараках шахтеров, где было очень тепло и мы отогревались, сушили свою детскую одежонку и всегда получали кружку горячего чая, кусочек рафинада и ржаной сухарь из рук одиноких колымских трудяг.

Мы слышали такое количество этой лексики, что она, оставаясь нами неосмысленной, становилась обыденной в употреблении и необходимой при общении. Только ее применение дозировалось местом нахождения – дома с родителями, на улице с пацанами или в бараках у работяг.

В тот год весна на Аркагале была ранней. После трагических событий марта и тяжелой болезни мой детский организм пошел на поправку. Тепло и долгожданное солнце стали целительным бальзамом для шестилетнего пацана. Утром, выйдя на улицу и бросив быстрый взляд на копер шахты, я поворачивал голову на солнце, на дальние сопки, которые из сплошного белого полотнища становились похожими на серо – белое покрывало с огромными темными дырками, похожими на заплаты. А ниже, на ближайшем склоне за метеплощадкой, я увидел наших лаек, Байкала и Найду, которые обнюхивали желтовато – зеленоватые мшистые прогалины и усердно работали своими розоватыми языками.

Детский интерес непосредственен и требует немедленного решения На мои призывы лайки реагировали только веселым вилянием своих хвостов. Меня заинтересовала такая увлеченность собак и через несколько минут я был рядом с ними. Весь склон был покрыт ярко красными бусинками, как на одежде у женщин в стойбище якута Захара. Это была осенняя брусника, которая не успела пожухнуть и, закрытая метровом и более покрывалом снега зимой, радостно встречала новую весну и солнце. На попытку взять ее пальцами, она моментально отреагировала выбросом фонтанчика «своей крови», ярко- красного сока.

Найда и Байкал укоризненно посмотрели на меня, помотали головой, лизнули лицо, как бы приглашая = делай, как мы. Опустившись на колени, я рукой приподнял веточку, на которой была ягода, языком отправил ее в рот, набрал ее штук пять – шесть ягодок, покатал их по небу и медленно раздавил. Кисловатый, осенний вкус брусничных горошин за зиму стал горьковато – сладким, напоминающим вкус небольшого глотка чифиря с кусочком рафинада. В соревновании с лайками у меня было огромное преимущество – две руки, кторыми я орудовал очень умело, выбирая только те веточки . на которых были самые крупные бруснички.

Удел лаек –давить ягодки лапами и слизывать их сок, но это вполне их устраивало. Насытившись, мы с собаками побежали к метеостанции. Мама возвращалась с записями снятых наблюдений и , уведив мою мордочку, закричала – « у тебя пошла кровь?».

Я подошел к бочке с талой водой и смыл все ее страхи. Она посмотрела на меня, на лаек, потрепала нас по головам и сказала = «Молодцы!»

Ближе к вечеру, возвращаясь домой, я заметил на том месте, где сам был утром, четыре фигуры. В двух их них легко было узнать Найду и Байкала, а вот две остальные были загадочны и непонятны.

Подойдя ближе, я узнал в этих фигурках маму и тетю Лизу. В телогрейках, в стеганных ватных штанах, в этой почти повседневной зимней одежде, на коленях , они были похожи на маленьких медвежат, которые покинули свою теплую берлогу и теперь тычутся носами в землю. Это мама и тетя Лиза питались весенними дарами колымской тайги. Как выяснилось позже, женщины были беременныи будущее потомство требовало витаминов.

В ноябре 1945 года у тети Лизы родился сын, а вдекабре родился мой младший брат – Виктор.

Весна брала свое. На Колыме, особенно в ее континентальной части, на раскачку времени нет. Надо успеть не за три календарных месяца весны, а за двадцать, двадцать пять дне растопить все снежные нагромождения, может быть не все, но процентов семьдесят. Надо прогреть землю, дать ей тепловой импульс, чтобы она выбросила из своего поверхностного слоя всю зимнюю стужу суровой колымской зимы, и уже к концу мая, началу июня, разродилась белыми шапочками багульника, темно – синими ирисами, малиновыми султанами кипрея. Надо согреть людей, дать им распрямиться, скинуть с себя телогрейки, ватные штаны, платки, шапки и одеться, особенно женщинам, в свои 25 -45 лет, в…однообразные платья из хаки и военного серого сукна. И солнце в апреле, начале мая старалось вовсю. Уже к Первомаю весь поселок оделся в униформу.

Слова ленд –лизинг в те годы на Колыме, в обиходе, почти не употреблялся. Американские подарки = это понятно и всегда вкусно.
Я уже выше касался этой темы, но хочется рассказать об этом подробнее, ибо в те годы мое детское воображение могло воспринять такое событие, как « американские подарки», только, как яркое и незабываемое.
…Отец очень неожиданно пришел из шахткома домой к обеду, был возбужден, многословен. Слова – « женские тряпки». «бельишко».,»детские пеленки» - постоянно срывались с его уст во время обеда, и как приговор, звучало – «прислали бы лучше тушенку и табак».
Возбуждение от отца передалось маме и тете Лизы. Они осождали отца вопросами, глаза горели и вот долгожданное =» Пошли!». Расстояние по сопке до шахтуправления, несмотря на размашистый отцовский шаг, женщины преодолили первыми. На первом этаже, где был клуб, уже стояло с десяток женщин.
«Пронюхали» - беззлобно проворчал отец.
«Ладно, партеец» - пробасила прокуренным голосом, как ее звали в поселке,»эсерка» Нюрка.
«Показывай американские панталоны. Что там бабы снимают перед мужиками!» и , довольная собой, закончила –«Приоденемся, каторжанки!»
В небольшом фойе клуба стояло несколько сдвинутых столов, на них горой лежало все очень яркое, разноцветно, с такими оттенками и переливами, что только многоцветная гамма летнего убранства колымских сопок идолин могла с этим сравниться.
Первая реакция женщин – полна тишина. Они осторожно, ощупью пальчиками поднимали каждую вещь, с некоторым недоумением смотрели на нее и робко прикладывали к себе. Но это длилось всего несколько минут. Тишина мгновенно взорвалась гулом и визгом, да именно визгом, как будто это были не мамки и тети, а молоденькие девчонки, увидевшие своего кумира и готовые разорвать его на части.
На пол полетели серые жакеты и платья из сукна и хаки, самодельные сатиновые бюстгальтеры и нижние панталоны. О том, что здесь находятся несколько пацанов, дверь фойе открытаи мужики могут войти в любой момент, было начисто позабыто. Женщинами овладел настоящий психоз. На голое тело они в спешке надевали первое, попавшее под руку платье, с негодованием сбрасывали его, если оно было мало и и хватались за следующее.Только «эсерка» сохраняла видимое спокойствие, хотя нервно теребила в руках жакет, удивительной расцветки. Ее грубоватый голос прервал незатухающий визг, возгласом – «Ленка, неси из кабинета »партейца». зеркало., не х… ему, там смотреться.»
И мама, то же острая на язык, не дававшая спуску никому, поспешно накинула на себя попавшую под руку одежду и молча пошла выполнять приказ. Только тогда к женщинам пришло отрезвление.
Они стали поспешно накидывать на себя кое – какую одежду, но не свою, повседневную, а ту, что ворохом лежала на столах.
Мы, пацаны, были выставлены на улицу, но тех десяти – двадцати минут, которые мы провели в фойе, нам хватило для обсуждений на целую неделю, пока более важные события не потрясли поселок.

К шахтуправлению подтягивалась, вернее, бойко спешила остальная часть женского населения поселка.
У копра шахты, где стояли машины под загрузку углем, шофера обсуждали женский переполох в поселке. Мат и изысканные выражения витали в воздухе.
«Сегодня, брачная ночь у женатиков будет бурной, шоферюги» - басил главный на погруке = Николай, ловко орудая одной рукой, сворачивая цигарку.
«А американские трусы и бюстгальтеры – шелковые?» - интересовался с серьезным видом молодой узбек, Надир.
«Пощупаешь!, Да нельзя им щупать!» - весело гоготала шоферская братия, то и дело поглядывая на выходные двери шахткома и задерживая погрузку.
Каково же было из разочарование, когда распахнулась дверь и первой вышла «эсерка» в том же повседневном одеянии. За ней появились женщины, одна за другой. .. Но все, как было вчера, сегодня и все годы войны.
Только лица женщин были другими, таинственными. Они бережно прижимали к себе свертки и узелки, обернув их атрибутами своей одежды или в газету, видимо , распотрошив шахткомовскую подшивку. Вздох разочарования был глубоким. Машины заводили, не спеша, прогревали моторы, но что-то удерживало шоферскую братию на месте. Это, как в футболе, твоя любимая команда проигрывает, ты уже идешь к выходу, но все оглядываешься с надеждой, наши забьют. Бывало и забивали.
Так случилось и в этот весенний день, ближе к вечеру. Из дверей шахткома вышел отец, как всегда в галифе, строгом сером кителе под »Сталина», в сапогах, а за ним вышли, нет выплали, мама и тетя Лиза. Да нет, это не они, это те красотки из американских фильмов, которые редко, но крутили в клубе.
Длинные шелковые платья, неяркой, но очень красивой расцветки, ближе к темно-фиолетовому, но с разными отливами, замысловатые шляпки на голове, ярко накрашенные губы на бледноватых лицах(откуда взяли помаду?) и только на ногах – полная дисгармония- резиновые боты. Но это не помешало им немного больше, чем требуется, постоять на верхней ступеньке крыльца, невзнай повернуться вокруг своей оси и медленно спуститься вниз
Шоферская братия встретила их аплодисментами и сочными колымскими выражениями. Отец оглянулся, махнул рукой и зашагал по спке к метеостанции.
Дорогие женщины далекой Колымы 30-50-х годов прошлого столетия!
Комсомолки и бывшие заключенные,» эсерки», «троцкистки» с «правым и левом уклоном», вольнонаемныеи Э успевшие сбежать в этот далекий край в предчувствии большой беды, посаженные по статье» семь, восемь, тридцать два – седьмого августа 1932 года, = хищение соцсобственности = это мог быть и качан капусты! Вы все в этих нечеловеческих условиях оставались просто ЖЕНЩИНАМИ1
День Победы Аркагала встретила ярким сиянием звезды на копре шахты – план по углю был! – летним теплом, немного суровыми мужчинами, преобразившимися женщинами и детьми. Говорили, что наш поселок был одним из очень немногих, кто получил такие 2американские подарки».
Праздничный концерт в клубе стал демонстрацией всего богатства женской и детской одежды далекой Америки. На фоне строгих галифе, кителей и сапог мужской части поселка, дети и женщины = были прекрасны.

Основными исполнителями на концерте были жители поселка. МамаБ в красивом платье, туфлях, по моде, тех лет, причесанная, читала что-то из декадентства 20-х годов(2…арена, брошенная белая перчатка, тигр» и т. Д. Увлекалась она этим в молодые годы в Москве. Вышел и я на сцену, одетый в бойскаутский костюмчик, который мне совершенно не нравился. До сих пор помню стихотворение, которое читал в День Победы. Вот заключительные строки:

…Но от моря и до моря,
Поднялись большевики,
Но от моря и до моря,
Встали русские полки,
И сказал народу Сталин,
«В смертный бой, за мной друзья.»
От фашистов люди стали,
Защищать свои края!

Аплодисменты были. Мама и отец сидели в первом ряду. Вдруг из зала раздался знакомый голос.
«Ветродуйчик, выдай нам бараковское, колымское».
Мама сразу поняла, о чем просили и постаралась стащить меня со сцены.
В бараке, у дяди Паши, когда настроение у работяг было хорошее, чифирь возбуждал, я, по их просьбе и с молчаливого согласия моего опекуна, демонстрировал свое глубокое знание ненормативной лексики, складывая из этих слов целые предложения. Наверно, они были емкими понятными по сути взрослому контингенту, только не мне. Но я получал огромное удовольствие, когда видел их довольные лица и презентовался аплодисментами и единственным колымским лакомством =- куском рафинада.
Но чтобы в клубе, при отце и маме, в костюмчике американского бойскаута, при таком количестве красивых и нарядных женщин?. Никогда!
Я отступил в глубь сцены, чтобы мама не дотянулась, и замешкался. Все решил властный голос»эсерки», который в ультимативной форме требовал «продолжения концерта»ю Я глубоко вздохнул, подошел ближе к краю сцены, но чуть в сторонке от мамы и выдал…
В своем «монологе», как мне кажется сейчас, я выразил всю детскую горечь утраты дяди Паши, обиды на родителей за этот очень красивый, но не мой костюмчик, и радость за нашу Победу.
Прошло более шестидесяти пяти лет с того времени, и сейчас, очень редко, в минуты вбрасывания в организм адреналина, из глубины души, на каком-то уровне подсознания, возникают и самопроизвольно выскакивают те фразы. Если при этом присутствует супруга, она кратко замечает =»Тебя воспитала улица!»
Боже, как она права.

.